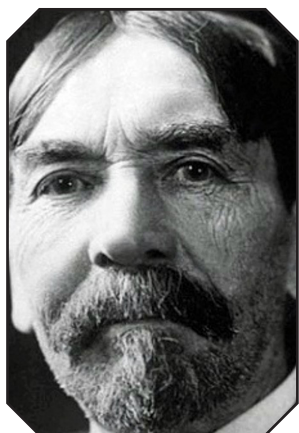

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Т. Веблен

Экономическая теория дамского платья¹

ВЕБЛЕН Торстейн (1857–1929) — американский экономист, социолог, один из основоположников институциональной школы экономической мысли

Перевод с англ. Андрея Верникова и Анны Курышевой.

Публикуется с разрешения издательства Дьюкского университета.

Предлагаемый текст представляет собой перевод очерка Торстейна Веблена (1894 г.), в котором он иронически описывает социальные практики, связанные с покупкой дамского платья и его ношением. В литературе есть немало отсылок к этой интересной работе, но её перевод на русский язык нам не встречался, и мы решили восполнить пробел. «Экономическая теория дамского платья» была написана для ежемесячника «Popular Science Monthly». Как и некоторые другие тексты Веблена, этот очерк впервые увидел свет в научно-популярном периодическом издании, что не уменьшает его ценности для исследователя. Впоследствии очерк перепечатывался в сборниках и других известных изданиях. Так, право на настоящий перевод для журнала «Экономическая социология» предоставлено издательством Дьюкского университета (Duke University Press) по книге, вышедшей в 2000 г. Сам Веблен не написал для своего очерка аннотацию: видимо, в том журнале это не было принято, да и жить автору посчастливилось до появления международных библиометрических баз с их формальными требованиями (аннотация, ключевые слова и проч.). Данное предисловие не претендует на полноту отражения основных мыслей и посылов автора. «Экономическая теория дамского платья» (как и ставшая классикой «Теория праздного класса» того же автора) описывает обычаи и традиции определённого слоя общества, в том числе расточительство, которое создаёт видимость обеспеченности в социальном окружении, свидетельствуя о платёжеспособности. Дамское платье и связанный с ним антураж исторически стали способом достижения данной цели. Приведённые Вебленом исторические факты показывают, как простейшие элементы украшения со временем превратились в наряд для выхода в свет и стали его прообразом. При этом глубинная суть явления в «цивилизованном» светском обществе осталась примерно той же, что и в древности. Не прибегая к витиеватым наукообразным оборотам речи, характерным для многих кабинетных учёных, Веблен простым понятным языком раскрывает смысл ношения женщинами дорогих нарядов на показ в современном ему обществе.

Ключевые слова: показное потребление; непроизводительное потребление; показное расточительство; дамское платье; социология потребления; Торстейн Веблен.

Если говорить о человеческой одежде, то нарядную легко отличить от повседневной². Обе эти задачи — нарядить человека и просто облачить его во

¹ Источник: Veblen Th. 2000. The Economic Theory of Women's Dress. In: Smith S. H., Dawson M. (eds) *The American 1890s: A Cultural Reader*. Durham; London: Duke University Press; 66–74.

² Веблен противопоставляет *dress* и *clothing*, то есть, насколько можно понять из контекста, нарядную (выходную, светскую) одежду и простое облачение, повседневную

что-то — в значительной степени решаются с помощью одинаковых материалов, хотя на самом деле способность одной и той же ткани выполнять оба предназначения не столь высока, как могло бы показаться. Издавна происходила дифференциация тканей, в результате которой многие вещи, надеваемые ради достижения одной цели, не служат достижению другой, причём от них это и не ожидается. Такое разграничение далеко не абсолютно. Многие в одежде человека предназначено как для физического удобства, так и для нарядности; ещё больше вещей люди явно носят с обеими целями. И всё же разграничение уже довольно значительно и заметно прогрессирует.

Но как бы ни воплощались эти две цели в одном предмете одежды и невзирая на выполнение обеих задач одним и тем же материалом, вряд ли кто-то спутает обеспечение физического комфорта с созданием респектабельного внешнего вида. Элементы повседневной и нарядной одежды различны; более того, они едва совместимы. Назначение каждого из них зачастую задаётся особыми атрибутами, подходящими для одной цели и негодными для другой. Часто так бывает, что самый узкоспециализированный инструмент и есть самый эффективный.

Из двух видов одежды раньше возникла нарядная одежда (*dress*), и она же продолжает преобладать по сей день. Элемент утилитарности в одежде (*clothing*), отождествляемый с обеспечением физического комфорта, с самого начала был и в значительной мере остаётся несколько второстепенным.

Происхождение платья связывают с принципом украшения. Этот факт социальной эволюции общепризнан. Но данный принцип даёт нам отправную точку эволюции платья, а не правило, по которому оно развивалось. В отношении платья, как и многих других окружающих нас вещей, верно то, что его исходное предназначение не оставалось единственным или преобладающим на всём протяжении дальнейшей истории. В целом можно утверждать, что в современном платье роль украшения в его наивном эстетическом смысле относительно невелика.

На начальном этапе эволюции одежды развитие шло по линии от простого представления об украшении человека дополнительными атрибутами, взятыми из внешней среды, к более сложному. Украшение должно было сделать присутствие человека приятным для других либо вызвать их зависть, сигнализируя в то же время о наличии у человека иных достоинств, помимо того, что он просто симпатичный. Благодаря этому мотиву и возникло впоследствии нарядное платье. Уже к тому времени, когда платье появилось как примитивная попытка дикаря украсить свою внешность яркими дополнениями, оно стало экономическим фактором, обладающим некоторой значимостью. Переход от фактора чисто эстетического (украшение, орнамент) к смеси эстетического и экономического произошёл ещё до того, как место раскраски и побрякушек заняла одежда в обычном понимании. Украшение — это не вполне экономическое понятие, хотя побрякушки и безделушки, используемые с этой целью, могут служить и экономическим фактором и в этом плане приравниваться к платью. Что делает платье предметом, интересующим экономическую теорию, так это его назначение свидетельствовать о богатстве того, кто его носит, а точнее — владельца, поскольку носит и владеет не обязательно одно и то же лицо. В отношении более половины вещей, в наше время включаемых в понятие «платье», особенно «дамское платье», которому посвящена эта статья, можно сказать, что тот, кто носит, и владелец — разные лица. Но, хотя эти лица необязательно совпадают, они должны быть членами одной экономической единицы, и платье является показателем богатства той экономической единицы, которую представляет носящий его.

одежду, выполняющую лишь свою утилитарную функцию прикрывать часть тела. Кроме того, у слова *dress* есть словарные значения «наряжать» и «украшать», а слова *clothes, clothing* таких значений не имеют. Иначе говоря, Веблен акцентирует разные значения этих слов. — *Примеч. перев.*

При патриархальной организации общества, когда социальную единицу воплощал собой мужчина вместе с теми, кто от него зависел, платье женщины указывало на богатство мужчины, которому она принадлежала. В современном обществе единицей выступает домохозяйство, и дамское платье демонстрирует богатство домохозяйства, к которому принадлежит женщина. Однако и по сей день, несмотря на объявленную и даже отпразднованную кончину патриархата, в дамском платье остаётся нечто такое, что говорит: тот, кто его носит, является чем-то вроде имущества. В самом деле, теория дамского платья вполне ясно предполагает: женщина — это имущество. В данном отношении дамское платье отличается от мужского, хотя эта особенность не имеет первостепенной важности. В остальном же основные принципы дамского платья не отличаются от принципов, определяющих мужское платье; но даже помимо отмеченной дополнительной характеристики элемент платья можно увидеть в менее скованном рамках развитии женской одежды. Обсуждение теории платья в целом будет лаконичнее и чётче, если сосредоточиться на конкретных фактах высшего проявления изучаемых принципов, и применительно к платью, безусловно, речь идёт о том, как одеваются женщины в самых передовых современных сообществах.

Основой достигнутого социального статуса и уважения со стороны окружающих считается успешность, а точнее эффективность социальной единицы, проявляющаяся через внешнюю успешность. Когда эффективность выражается через обладание собственностью и материальное положение, что в высшей степени характерно для современного социума, основанием для общественного признания становится наблюдаемое имущественное положение социальной единицы. А её непосредственным и очевидным критерием служит видимая способность тратить и потреблять непроизводительно. Люди давно научились демонстрировать способность тратить, выставляя напоказ дорогие товары, не приносящие владельцу пользы с точки зрения комфорта либо прибыли. Почти так же давно произошло и разграничение, в соответствии с которым своего рода функцией женщины стала демонстрация денежной силы её социальной единицы — через показное непроизводительное потребление ценных благ.

В конечном счёте, авторитет в обществе, особенно в долгосрочной перспективе, довольно точно коррелирует с финансовыми возможностями социальной единицы. Женщина сама изначально находилась во владении и была частью имущества и как раз поэтому стала своеобразным выразителем денежной силы своей социальной группы; по мере углубления функциональной специализации в общественном организме эта роль всё более и более возлагается на женщину. Лучшие, самые передовые и высокоразвитые общества нашего времени достигли в своей эволюции такой точки, когда (в идеале) великой, специфической и почти единственной функцией женщины в социальной системе стала демонстрация платёжеспособности своей экономической единицы. Иными словами, согласно идеальной схеме нашей социальной системы, роль женщины свелась к тому, чтобы служить средством непроизводительной траты денег напоказ.

Допустимые свидетельства дороговизны женщины весьма разнообразны по форме и методу, но их сущность всегда одинакова. Они могут проявляться через манеры, воспитание и достоинства, которые заведомо можно привить или сохранить лишь в условиях праздности, намекающей на относительно продолжительное владение значительными средствами. Их также можно обнаружить в особом образе жизни, исходя из тех же соображений и с той же целью. Но метод, популярный всегда и всюду, сам по себе или в сочетании с другими методами, — это дамское платье. Дамское платье и расточительство — практически синонимы с экономической точки зрения.

Дополнительная порция масла или другой мази, которой жены элиты в африканской глубинке смазывают себя сверх необходимого, тоже трата такого характера, что-то между примитивным украшением и зарождающимся платьем. Сюда относятся и бронзовые браслеты на запястья, лодыжки и т. д.; их общий вес иногда доходит до 30 фунтов, и носят их люди того же класса, включая (в меньшей степени)

мужское население в тех же странах. Это и шкура северного морского котика, которую женщины в цивилизованных странах предпочитают тканям, хотя те и замечательны во всех отношениях, кроме стоимости. Это и страусиные перья и множество любопытных изображений растений и животных, с которыми имеют дело модистки. Список неисчерпаем, поскольку в одежде мужчин или женщин, цивилизованных или нецивилизованных, едва ли отыщется предмет, совсем не играющий эту роль, а очень многие из таких предметов практически ни для чего иного и не служат с экономической точки зрения.

Люди, которые носят или покупают такие товары, не обязательно стремятся к расточительству. Они стараются выказать свою платёжеспособность. Целью является не *фактическое* расточительство, а создание его видимости. Значит, часть потребителей этих товаров постоянно пытаются приобрести их на максимально выгодных условиях; отсюда и постоянные попытки производителей данных товаров уменьшить издержки их производства, а затем и снизить их цену. Но как только цена такого товара падает настолько, что его потребление перестаёт служить самоочевидным свидетельством высокой платёжеспособности, этот товар теряет популярность, и спрос переключается на что-то другое, более чётко подтверждающее способность владельца позволить себе расточительство.

Тот факт, что искомый предмет есть не трата, а её видимость, порождает принцип псевдоэкономии (*pseudo-economy*) при использовании материала. Признаком хорошего тона стало считаться, когда одежда не просто лишь выставляет на обозрение щедрую трату. Используемый материал должен быть подобран так, чтобы обнаружить способность того, кто носит одежду (владеет ею), использовать её с как можно более показательными целями; иначе выходило бы, что владелец не способен на это, то есть основная цель демонстрации частично обесценилась бы. Но ещё важнее вот что: просто выставление на показ большой траты может говорить о том, что вещь была приобретена совсем недавно, раз у хозяина не сформировалась устойчивая длительная привычка, которая только и позволяет овладеть наиболее эффективными способами демонстрации. Это намекало бы на то, что средства возникли не так давно; а нам всё ещё достаточно близка традиция потомственных аристократов с хорошей родословной почитать давнее обладание средствами лишь немного меньше, чем обладание большими средствами. Размер имеющихся средств проявляется в объёмах демонстрируемого, а о продолжительности владения в какой-то мере говорят тщательное освоение и опривычивание способов демонстрации. Признаки такого знания и привычки к хорошему тону в наряде (как и в манерах) следует ценить главным образом потому, что они доказывают: на них было потрачено много времени; а поскольку это достижение не имеет прямой экономической ценности, оно сигнализирует о материальной возможности растративать своё время и свой труд. Следовательно, когда подобным умением владеют в совершенстве, это подтверждает, что жизнь — возможно, даже и не одна — потрачена безо всякой полезной цели, то есть непроизводительное потребление во имя респектабельности в глазах окружающих обходится достаточно дорого. Грубый вкус и вульгарная показуха в вопросах платья оскорбительны, в конечном счёте, потому что они обнаруживают отсутствие возможности потратить время и усилия, как того требуют приличия.

Далее, подтверждением эффективности демонстрирующего что-то человека может служить эффективное использование имеющихся средств. А наглядная демонстрация эффективности, если она явным образом не ведёт к денежной выгоде или росту личного комфорта, крайне желательна в социальном плане. Как бы это ни казалось удивительным на первый взгляд, но получается, что принцип псевдоэкономии в использовании материалов прочно застолбил за собой место, пусть и довольно узко очерченное, в теории платья, как эта теория отражается в окружающей действительности. Этот принцип, действуя в унисон с отдельными требованиями к платью, приводит к любопытным и не объяснимым иначе результатам, о которых будет сказано ниже.

Таким образом, первый принцип платья — это его бросающаяся в глаза дороговизна. Следствием из этого принципа, но настолько грандиозно по масштабу и важности, что может претендовать на звание второго базового принципа, является свидетельство трат, обеспечиваемое постоянной заменой одного роскошного наряда или безделушки на другие. Этот принцип подчёркивает, что желательно — а когда позволяют обстоятельства, то и настоятельно необходимо — не носить того, что устарело. В самых передовых сообществах нашего времени в том, что касается самых ярких образцов платья (например, бального платья и одежды, надеваемой в подобных торжественных случаях, когда господствуют требования нарядности, не нарушаемые посторонними соображениями), названный принцип выражается в таком правиле: одежду для выхода в свет можно надевать лишь один раз.

Такое требование новизны образует основополагающий принцип всей сложной и интересной области моды. Мода не требует постоянного движения и перемен просто потому, что это глупо; движения, перемен и новизны требует центральный принцип всякого платья — показное расточительство.

Данный принцип новизны, действуя заодно с уже упомянутым мотивом псевдоэкономии, отвечает за ту систему показухи, которая столь широко, открыто и откровенно присутствует в общепринятом кодексе платья. Мотив экономии или эффективного использования материала служит отправной точкой. А дальше требование новизны ведёт к развитию обширной сложной системы запросов, постоянно меняющихся в том, что касается деталей, но непреложных в каждый момент — отделка, окантовка и множество вводящих в заблуждение ухищрений, которые припомнит каждый хоть немного знакомый с технологией платья. Попытка ввести в заблуждение часто доходит до смешного, напоподобие детской игры веришь-не-веришь. Имитируемые, или, скорее, символизированные таким способом, реалии непозволительны. В одних случаях они были бы непомерно дороги, в других — недороги и в большей степени предназначены для личного удобства, а не для выставления трат напоказ; оба эти варианта нарушают каноны хорошего тона.

Помимо выставления напоказ денежной мощи с помощью агрессивного расточительства, той же цели может служить и показное воздержание от производительных усилий. Женщина в силу разделения социальных функций выражает денежную мощь экономической единицы, и, следовательно, на неё также возлагается демонстрация способности данной единицы вынести эту пассивную форму материального ущерба. В этом случае женщина может предъявить тот факт (зачастую вымышленный), что она живёт бесцельно. И лучшим подтверждением станет её платье. Идеальным платье тогда будет то, которое сообщает — или даже навязывает — любому зрителю, что носящий его явно непригоден к сколь-нибудь полезному занятию. Платье современной цивилизованной женщины стремится продемонстрировать привычную праздность и весьма преуспевает в этом.

Здесь кроется секрет неизменного присутствия в современном платье юбки как элемента громоздкой бессмысленной драпировки. Юбка сохраняется, потому что громоздка, затрудняет движения той, кто её носит, и в значительной степени лишает свою обладательницу возможности заниматься каким-либо полезным делом. Зато она служит рекламой (часто недобросовестной) того, что дама обеспечена достаточными средствами, чтобы позволить себе праздность или пониженную эффективность, подразумеваемые юбкой. То же можно сказать о высоких каблуках и в меньшей степени о ряде других элементов современного наряда.

В этом также следует искать причину сохранения (но, вероятно, не происхождения) одного серьёзного увечья, практикуемого цивилизованными женщинами Запада, — стягивания талии, а также аналогичного обычая деформации стопы у их китайских сестёр. Это современное увечье женщины, возможно, не относится строго к категории платья; но едва ли возможно провести чёткое разграничение, чтобы исключить его из нашей теории, и сам принцип его настолько близок этой категории, что изложение теории было бы неполным без отсылки к данной практике.

Из описанного общего принципа вытекает важное следствие. Тот факт, что добровольно налагаемая на себя физическая недееспособность доказывает наличие богатства, означает тщетность любых попыток изменить дамское платье в сторону удобства, практичности или заботы о здоровье. Суть платья в том, чтобы якобы мешать, создавать неудобства и вредить той, кто его носит, поскольку именно таким образом провозглашается денежная возможность женщины быть праздной и физически недееспособной.

Можно отметить, между прочим, что требование выглядеть праздной, чтобы считаться респектабельной, образует несчастливое обстоятельство для женщины, вынужденной обеспечивать себя. Такие женщины должны добывать средства не только к существованию, но и на поддержание видимости, что они живут без работы за вознаграждение; и всё это им приходится делать, будучи обременёнными туалетами, специально созданными, чтобы сковывать движения и снижать эффективность производственной деятельности.

Таким образом, основные принципы теории дамского платья таковы:

1. *Дороговизна*: будучи оцениваемо с точки зрения эффективности в качестве просто одежды, платье должно быть неэкономичным и призвано служить признаком способности той или иной экономической группы платить за вещи, которые сами по себе бесполезны для всех частных лиц, — платить, не получая взамен удобства или выгоды. Из этого принципа нет исключений.

2. *Новизна*: женское платье обязано создавать ясное впечатление, что его носили совсем недолго, а что касается многих предметов одежды, то они должны выглядеть как быстроизнашиваемые. Исключениями из этого правила являются вещи, достаточно долговечные для того, чтобы стать семейными реликвиями, и настолько дорогие, что обычно принадлежат только лицам высшего (денежного) ранга. Владение фамильной реликвией похвально, потому что свидетельствует о практике расточительства на протяжении более чем одного поколения.

3. *Непрактичность*: от платья требуется, чтобы оно представляло собой самоочевидное доказательство неспособности его обладательницы заниматься какой-либо приносящей доход деятельностью, а также хронической непригодности последней для каких-либо полезных занятий, даже если такое платье будет снято. Из этого правила тоже нет исключений.

Помимо этих трёх принципов, свою роль в том, что касается платья, играет принцип украшения (в эстетическом смысле). Он имеет определённую экономическую значимость и довольно широкую область применения; но ни в коем случае не выступает строгой необходимостью, а когда соблюдается, его действие жёстко ограничено тремя уже изложенными принципами. На практике удел принципа украшения платья — быть прислугой у принципа новизны, а не независимым или координирующим фактором.

Кроме того, есть менее значимые принципы; они могут присутствовать или отсутствовать; одни из них являются производными от великого центрального требования показного расточительства; другие имеют иную природу, но все они тем не менее подчинены господствующему положению трёх кардинальных принципов, перечисленных выше. Эти три принципа составляют самую суть и наполняют содержанием норму дамского платья; и никакие обстоятельства не смогут навсегда устранить их до тех пор, пока сохраняется возможность соперничества между людьми в отношении богатства. Ввиду различий в состоянии неизбежен и разброс в нормах платья. Некоторый приступ ощущений, настроений или чего-то ещё может иногда вызывать временную и локальную диверсию в женской одежде;

но великую норму «показного расточительства» нельзя отбросить или существенно скорректировать, пока сохраняется её экономическая основа.

Приведём пример временного эффекта от сдвига настроений. В течение последних нескольких лет началось, а потом почти прекратилось возвращение физического комфорта в качестве одного из обычных требований хорошего тона к платью. Смысл этого тезиса, конечно, не лежит на поверхности; так редко бывает в вопросах платья. Недавним императивом стала как раз видимость личного удобства, и ради такой видимости часто жертвовали сущностью. Это явление, скорее всего, возникло как одно из следствий чувственного атлетизма (поклонение плоти), который господствовал в последнее время; теперь, когда пик таких настроений миновал, отступает и чуждый для платья мотив.

Изложенная здесь теория может быть применена в полной мере только к современному дамскому платью. Если ориентироваться на установленные принципы как на абсолютные критерии, то очевидно, что канонам дамского платья будет соответствовать и одежда большого класса людей, в строго биологическом смысле считающихся мужчинами. Этот тезис не дезавуирует всю теорию. Ведь для целей экономической теории предполагается, что классификация основывается лишь на экономических признаках, и не допускается, чтобы соображения, действие которых не выходит за пределы узкой области естественных наук, нарушили её симметрию настолько, чтобы потребовалось исключить упомянутый милый добровольческий контингент из женских рядов.

Есть и второй, весьма сходный класс лиц, чья одежда также, хотя и в меньшей степени, соответствует канонам дамского платья. Этот класс составляют дети цивилизованного общества. С некоторыми оговорками, конечно, но дети рассматриваются в теоретическом плане как дополнительный материал, служащий для оттачивания великого призвания цивилизованных женщин — потреблять блага напоказ. В руках цивилизованной женщины ребёнок становится вспомогательным органом показного потребления подобно тому, как любой инструмент в руках рабочего является вспомогательным орудием производительной эффективности.

NEW TRANSLATIONS

Thorstein Veblen

The Economic Theory of Woman's Dress

VEBLEN, Thorstein (1857–1929) — American economist, sociologist, the contributor of institutional economics.

Translated into Russian by Andrei Vernikov and Anna Kurysheva

Abstract

This is a Russian translation of an essay that Thorstein Veblen wrote in 1894. The essay describes ironically the social practices around the acquisition and wearing of the woman's dress. Many references are made to this interesting source, but we have not been able to identify its accurate translation into Russian and decided to fill the gap. "The Economic Theory of Woman's Dress" was written for *Popular Science Monthly*. Like some other papers of Veblen, this one got published in a magazine carrying popular science content to the general reader, which does not

preclude its academic significance. The essay has subsequently been republished in reputable volumes. Duke University Press generously granted the rights for a Russian language translation for the *Journal of Economic Sociology* from a book released in 2000. Veblen hasn't attached an abstract to his original essay, perhaps in line with the policy of the magazine. This foreword from the translators does not intend to cover all the original author's ideas and messages. "The Economic Theory of Woman's Dress", just like the classical "The Theory of the Leisure Class" from the same author, describes the customs of a particular social strata, including the custom to spend wastefully and conspicuously in order to signal pecuniary strength within a given social environment. The conspicuous expensiveness and novelty of the woman's dress and the related adornments serve precisely that purpose. Veblen shows the line of progress from the primitive efforts of the savage to beautify himself with gaudy additions to his person to a complex dress of a contemporary woman of upper classes. The three cardinal principles of the theory of woman's dress, nevertheless, remain relevant. Without a sophisticated wording typical of many armchair scholars, Veblen uses clear and forceful language to explain the woman's dress as an economic fact and the drivers of aggressive wasteful spending that dress implies.

Keywords: conspicuous consumption; conspicuous waste; unproductive consumption; woman's dress; sociology of consumption; Thorstein Veblen.

Received: September 18, 2022

Citation: Veblen T. (2022) Ekonomicheskaya teoriya damskogo plat'ya [The Economic Theory of Woman's Dress]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 5, pp. 37–44. doi: 10.17323/1726-3247-2022-5-37-44 (in Russian).